

Переводы и комментарии

ГЛАВЫ 3–5 ИЗ КНИГИ «ВОЙНЫ, РЕВОЛЮЦИИ И ДИКТАТУРЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ С КОМПАРАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»¹

Станислав Андрески

Определения и аргументация при изучении революций²

Нет ничего сложнее формулировок общих положений относительно исторических событий, которые были бы новыми и истинными одновременно. Поэтому немногие на это решаются. Большинство из тех, кто желает заниматься теоретическими рассуждениями об обществе, избегает использовать исторические данные и остаётся в сфере смутных тавтологий, закрытых для сопоставления с фактами, или же придаёт банальностям статус научного жаргона. Ярослав Крейчи – один из немногих социологов и политологов-теоретиков, взявших на себя крайне трудную задачу попытаться обобщить общие положения, опираясь на индуктивную основу исторических данных. Его книга переполнена подробной информацией о фактах, однако цель книги не сводится к описанию фактов. Напротив, она заключается в выявлении образца, общего для шести великих революций: гуситской (Чехия), пуританской (Англия), буржуазной (Франция), большевистской (Россия), национальной (Турция) и коммунистической (Китай), которые анализируются.

Книга Крейчи написана строго, лаконично и беспристрастно. В отличие от множества других авторов, пишущих о революциях, автор не высказывает априорных положений относительно желательности или нежелательности революций. К сожалению, даже такая установка не гарантирует достоверности формулируемых автором общих положений, поскольку ещё никому не удалось выдвинуть теорию такого масштаба, которая не подлежала бы оговоркам и уточнениям. Более того, очевидные и серьёзные ошибки можно обнаружить даже в работах величайших мыслителей, подвигающихся в этой области.

На мой взгляд, содержание книги можно разделить на три категории: основная часть состоит из тематических исследований вышеуказанных революций; краткий, но строго определённый обзор теорий других исследователей; изложение теоретического вклада самого автора. Я немного могу сказать о фактических данных, за исключением того, что их массив впечатляет и, насколько могу судить, почти не содержит ошибок. Однако я бы оспорил некоторые аспекты в представленном лапидарном обзоре различных объяснительных теорий. На

¹ См.: Andreski 1992: 36–47.

² Обзор книги Ярослава Крейчи «Сравнение великих революций: поиск теории» [Krejci 1983].

мой взгляд, Крейчи слишком мало использует идеи Парето и переоценивает Маркса. Правда, Парето написал много скучного и бесполезного, используя при этом нелепые термины, которые надо заменить, чтобы раскрыть его действительные идеи. Крейчи делает это в какой-то степени, но, на мой взгляд, здесь можно добиться большего. С другой стороны, он согласен с мнением Маркса о том, что революции вызваны противоречием между производительными силами и способом производства, хотя и не считает это неизменной причиной. Однако «противоречие» – это такая связь между безличными силами или процессами, которая способствует персонификации. Не существует противоречия между центростремительными и центробежными силами или между спросом и предложением. Во-вторых, если под «противоречием» мы имеем в виду такую структуру общества или государства, которая препятствует техническому прогрессу или росту благосостояния, тогда нет никаких оснований полагать, что эта борьба не может продолжаться бесконечно. Прогресс в истории встречается редко и дискретно, тогда как стагнация является правилом человеческого общества. Самая устойчивая политическая система в истории человечества была в Древнем Египте. Техническая отсталость редко (или вообще никогда) мешала правителям удерживать в подчинении своих подданных, хотя часто служила препятствием для сопротивления нападению. Крейчи отмечает, что парадигма Маркса наиболее применима к России и Китаю. Однако в обоих случаях старые монархии были уничтожены иностранцами.

В книге содержится много интересных и разумных замечаний, но всеохватывающим тезисом служит «морфологическая модель», согласно которой любая революция отличается колебанием, которое обычно сначала увеличивается по амплитуде и уменьшается до точки схода, расположенной где-то рядом с центром. Несмотря на моё уважение к высокой степени учёности автора и ощущение того, что он занимается чем-то крайне важным, у меня к нему возник ряд возражений. Первое из них связано с авторской концепцией революции: её предельно широкое и произвольное определение может освободить теорию от опровержения (или «фальсификации»), если автор предпочитает термин Поппера, который, как я полагаю, способствует обеднению языка). Многие известные писатели попали в ловушку тавтологии. Например, Арнольд Дж. Тойнби говорит, что цивилизация развивается, когда она успешно отвечает на вызов, но не говорит ничего о том, как выяснить, был ли этот ответ успешным, кроме того факта, что за ним последовало развитие. Похоже, что Крейчи считает завершением революции тот период времени, когда колебания (которые он выявил, по его мнению) остановились в центре континуума. Если это так, то утверждение, что в каждой революции такие колебания завершаются в центре, предрешено. С этой точки зрения не существует никаких причин против установления даты Французской революции в период с 1780 по 1880 гг., Русской с 1700 по 1980 гг. и Турецкой с 1700 по 1980 г.

Ещё более фундаментальный вопрос относится к характеру континуума, в котором происходят колебания. В случае с Гуситской, Английской, Китайской и Французской революциями автор принимает континуум «левая против правой». Но может ли это служить континуумом? Что означают эти слова? Они могут быть уместными в качестве названий для обозначения групп на политической арене в определённых странах в определённое время, но мы не должны понимать пространственную метафору буквально и воображать, что она обладает свойствами геометрической линии. Люди могут формировать группы и «усваивать» в определённое время и мете идеологические наборы, обозначенные как «правый» и «левый», «красный» и «белый», «красный» и «синий». Однако, едва мы сравним временные и культурные границы, то увидим, что элементы этих наборов можно сортировать более чем одним способом. Даже в тех случаях, когда указанные ярлыки обеспечивают некоторую направленность, могут существовать партии или фракции, не соответствующие ни одному из них. Так обстоит дело в Британии с Народным фронтом: хотя иногда его называют «крайне

правым», это единственная партия в Британии с действительно пролетарским членством и лидерством. В Веймарской Германии аграрную, католическую и социал-демократическую партии можно условно охарактеризовать как «правую», «центральную» или «левую», но национал-социалистическая рабочая партия Гитлера в этот континуум вообще не вписывалась. Как говорил Грегор Штрассер (автор нацистской идеологии): «Мы должны взять правый национализм без капитализма и левый социализм без интернационализма».

Подобные сомнения возникают также в отношении революций, анализируемых в книге. Не исключено, что правление Вильгельма и Марии можно расположить в промежутке между левеллерами и кавалерами с точки зрения полномочий Короны. Однако, что касается неравенства классов, то полный круг был бы более точной метафорой, учитывая повышение привилегий высшего класса, а не понижение, как во времена правления Стюартов. С другой стороны, был ли Кромвель «слева» от Вильгельма и Марии? Вообще, да, если брать в качестве критерия оценки объем аристократических привилегий. По критерию власти парламента он был не просто ближе к Стюартам, но превзошёл их: как абсолютный правитель с большой и покорной постоянной армией он достиг того, о чем они только мечтали.

Применительно к Франции ярлыки «правый» и «левый» не столь двусмысленны. Это неудивительно, поскольку они были изобретены именно во Франции в начале Великой революции. И все же правильно ли располагать Наполеона посередине между якобинцами и монархистами? Что касается его отношения к старым привилегиям, то это возможно, но по отношению к идеалам воспроизводства, конечно, нет. Его влияние на неравенство классов было двойственным: он не был левеллером (не хотел выравнять пирамиду привилегий), но в то же время весьма способствовал продвижению людей по иерархической лестнице. Ещё более спорным является размещение Наполеона III «слева» от Наполеона I.

В случае России континуум имеет два полюса – Евразийская основа и европейский трансплантат, которые, на мой взгляд, намного более расплывчаты, чем термины «правый» и «левый», что было бы лучше, поскольку в этом случае график колебаний мог бы быть оправдан (по крайней мере, со ссылкой на нынешнее столетие), если рассматривать исключительно отношение к неравенству классов. На основе этого критерия можно было бы обосновать расположение сталинской и постсталинской систем посередине между обществом под властью царей и социалистическими идеалами или уравнивательным рвением ранних большевиков. После этого возник новый правящий класс, но его дистанция от своих подданных – измеряемая уровнем жизни, статусом, наследованием должностей и эндогамией – была значительно короче той пропасти, которая существовала между князем и «мужиком» в старой Руси. Напротив, критерий европеизации приводит к неоднозначной оценке. В этом смысле принудительной индустриализацией Сталин уменьшил различие между Россией и Западной Европой. Восточные традиции деспотизма играли решающую роль в развитии советской системы, но непредвиденные последствия доктрины, завезённой с Запада, были не менее важными. Советский тоталитаризм – это нечто действительно новое, которое нельзя отнести к азиатскому наследию, особенно в связи с тем, что подобная система возникла в развитой форме в Германии, в первичной форме в Италии. По нетерпимости и репрессиям Ленин намного превзошёл последнего царя, в то время как даже Иван Грозный немного уступал сталинским действиям. В настоящее время репрессии против инакомыслия примерно столь же жёсткие, как при Николае I (написано в 1985 г.).

На мой взгляд, можно было бы получить более надёжные результаты при наличии нескольких более строго определённых переменных, то есть, чтобы обеспечить возможность представить каждую революцию в нескольких графиках. Настоящая модель объединяет переменные, варьирующие независимо друг от друга, а не вместе. И все же идея Крейчи

открывает многообещающие перспективы для дальнейших исследований, хотя, возможно, и недостаточно в её нынешнем виде.

Никакое теоретическое положение об исторических процессах не может быть более чем правдоподобным. Но только с помощью таких положений можно извлечь уроки из истории, которые могут иметь ту или иную ценность в качестве оснований для прогнозирования вероятных последствий будущих действий. Таким образом, любая серьёзная индуктивная работа заслуживает уважения, даже если её результаты не могут быть приняты в качестве окончательных, потому что (как и в процессе исследований) редко кому удаётся сразу найти лучший путь. Кто-то должен первым проложить и опробовать первопутки. Одна из многих трудностей состоит в том, чтобы найти наиболее полезный уровень абстракции, строгости и общности. Дилемма здесь чётко выражена в высказывании Поль Валери о том, что «ничто простое не может быть истиной, а ничто не может быть полезным».

Я знаю лишь ещё одну книгу о революциях, основанную на схожих масштабах и глубине исторических знаний – это *«Анатомия революции»* Крейна Бринтона. Охват случаев и методы анализа этой книги и книги Крейчи различны. Если их читать и сравнивать, они обеспечивают наилучшую доступную основу для любого общего курса по революциям. Никому, кто серьёзно интересуется этим вопросом, не мешает внимательно изучить книгу Крейчи.

Четыре метафоры для анализа причин революций

При обсуждении феномена революции метафора котла может помочь нам избежать упрощённого представления о существовании некоего определённого уровня недовольства или напряжённости, неизбежно приводящего к краху системы, поскольку взрыв котла зависит не только от внутреннего давления, но и от прочности конструкции. Таким же образом мощный аппарат контроля может «выдержать» гораздо больший объём социального недовольства и мятежных склонностей, чем его потребовалось бы для разрушения более слабой структуры власти. Подобно всем остальным уравнениям и неравенствам, в данном случае не имеет значения, с какой стороны баланса мы размещаем этот фактор: например, считаем ли мы недовольство солдат элементом силы взрывного устройства или элементом слабости сдерживающего аппарата.

Нельзя также упускать из виду популярную метафору пороховой бочки и искры. Она напоминает, что основные условия могут создать значительный взрывной потенциал, и что ничего подобного не случится, пока не произойдёт событие, способное послужить причиной. С другой стороны, гораздо меньший потенциал может привести к множеству небольших взрывов, если вокруг летает множество искр.

Метафора котла указывает на вероятность того, что протесты и демонстрации (и даже беспорядки, взрывы, расстрелы) ещё не доказывают того, что в государстве, где они происходят, должно быть больше недовольства существующим положением, чем там, где они не происходят. Возможно, это действительно так. Однако не менее правдоподобно также и другое объяснение: авторитарное государство может подавить степень недовольства, достаточную для выведения из строя и даже разрушения более либеральной системы.

Чтобы не путать устойчивость с прочностью, можно использовать другую метафору: различие между цементом и резиной, причём первый из них труднее разрезать и легче разломать, а вторую легче разрезать и труднее разломать. Точно так же диктатура может навязывать жёсткий порядок, пока она не рухнет внезапно (например, как это произошло в Венгрии в 1956 г.), в то время как более слабый режим может пострадать от частых беспорядков и всё же выжить.

Следующая и последняя метафора, способная пролить свет на нашу проблему, несколько сложнее и, возможно, заслуживает более объёмного названия модели. Представим себе политическое сообщество, строго разделённое на два класса – высшее руководство и подчинённая сторона – и возьмём в качестве переменной сплочённость внутри каждого класса. Хотя в реальном мире сплочённость всегда зависит от степени, пока не будем обращать внимания на градации и, рассматривая только полярные противоположности, охарактеризуем класс с точки зрения объединения или разъединения (или, если вы предпочитаете, сплочения или разобщения). Тем самым мы получаем четыре комбинации:

Высшее руководство	Подчинённая сторона
1. Сплочённые	Разобщённые
2. Разобщённые	Сплочённые
3. Сплочённые	Сплочённые
4. Разобщённые	Разобщённые

По вопросу о вероятности возможности свержения высшего руководства подчинённой стороной можно сделать однозначные выводы только на основе асимметричных комбинаций 1 и 2, в то время как последствия симметричных комбинаций неоднозначны. Если высшее руководство объединяется, а подчинённая сторона разделяется, вероятность революции становится нулевой, даже если другие важные переменные (такие как объем недовольства или высокое численное отношение подчинённой стороны к высшему руководству) могут привести к беспорядкам. Если подчинённая сторона объединяется, а высшее руководство разъединяется, режим становится очень хрупким и может быть свергнут под воздействием даже относительно небольшого количества недовольства ввиду слабых сдерживающих сил. С другой стороны, кажется, ничего нельзя вывести из симметричных комбинаций 3 и 4. В этих случаях лишь оценка относительных степеней единства или разобщённости и других важных факторов позволила бы сделать какие-либо выводы. Эта метафора может лишь привлечь внимание к важности влияния таких комбинаций на стабильность политической системы.

Данные метафоры предполагают, что любая эмпирически обоснованная теория причин революций напоминает собой нечто вроде «техники» составления балансового отчёта, а не простое правило, описывающее инвариантную последовательность событий.

О революционных тенденциях в Латинской Америке³

Эта книга Дж.В. Барретта содержит тезис в первоначальном смысле этого часто употребляемого слова. Фактическая информация, большую часть которой невозможно найти ни в одной другой книге о Латинской Америке, приводится в поддержку аргументов, а не для описания какой-либо конкретной области или периода. Хотя книга понятна любому интеллигентному и образованному читателю, она всё-таки будет наиболее ценной для тех, кто уже знает основные факты и рад новому взгляду на некоторые важные вопросы. Сам автор обращается к двум всеохватывающим вопросам: «почему так много латиноамериканцев жаждут революции?» и «почему наиболее вероятным результатом такой революции станет тоталитаризм?»

Столь непростые вопросы всегда влекут за собой другие вопросы. Наиболее очевидные из них таковы: является ли фактическая посылка правильной? действительно ли стремление

³ Обзор книги Джеффри В. Барретта «Импульс к революции в Латинской Америке» [Barrett 1985].

к революции настолько широко распространено и сильно? Автор полагает, что это так, а затем пытается это объяснить. Учитывая, сколько интересного он может сказать о последнем пункте, и учитывая, как много написано о первом, такая структура кажется вполне удовлетворительной.

Ненавистный установленный порядок может быть изменён либо путём мирных реформ, либо путём революции. Поэтому вывод о том, что первый путь невозможен, каким-то образом объясняет привлекательность второго. Тезис Барретта заключается в том, что неспособность Латинской Америки двигаться к достатку и стабильной демократии не обусловлена сложно изменяемыми политическими или экономическими обстоятельствами, а преобладающими и глубоко укоренившимися взглядами, которые он называет «ценностями, препятствующими модернизации». Рассматривая историю политико-экономических идей в Латинской Америке, он различает две точки зрения – «ценностный подход» и «структурный подход». Первый фокусируется на характере людей, второй – на институциональных механизмах как основной причине отсталости. Автор достаточно искушён, чтобы не рассматривать это различие в качестве дизъюнкции, но больше всего интересуется первым подходом и утверждает, что в последнее время им неоправданно пренебрегали.

Некоторые заявления о «ценностях, препятствующих модернизации» сводятся к утверждению того, что написанное некоторыми из ранних и решительных латиноамериканских мыслителей о характере своих стран остаётся верным до сих пор. Его собственное пристрастие главным образом состоит из акцента роли зависти и всепроникающего агрессивного и эксплуататорского поведения. Не отрицая того, о чем часто говорят – эксплуатации бедных богатыми, Барретт утверждает, что эксплуатация и жестокое обращение с бедными по отношению друг к другу одинаково важны.

Это не единственная точка зрения в книге, которая оскорбит как обычных «левых», так и «правых». «Левых» также будет раздражать его описание кубинской системы как тоталитарной диктатуры, в то время как «правые» будут возражать против его суждения: большинство кубинцев одобряют Кастро или, по крайней мере, предпочитают его правление тому, что было раньше. Даже люди, считающие себя умеренными демократами и либералами, будут возмущаться мнением о том, что безжалостный диктатор может пользоваться лояльностью подданных. Объяснение Барретта этого нежелательного открытия аналогично оправданию Гоббсом абсолютной монархии: неограниченную власть одного обычно предпочитают «войне всех против всех». Согласно автору, большинство кубинцев более счастливы под постоянным игом тоталитаризма, чем в условиях полной незащищённости, подверженных гангстеризму и другим видам бесконечной беспорядочной агрессии. Это объяснение связано с его определением «ценностей, препятствующих модернизации».

По мнению автора, одним из аспектов латиноамериканского варианта Гоббсовской картины общества является навязчивая борьба за превосходство, вызванная различными сочетаниями тщеславия, зависти, недоверия и страха. Барретт называет этот кластер диспозиций «иерархическим представлением о человеческом порядке», которое крайне сомнительно. Британское выражение *“one-upmanship”* («умение превзойти других») является более подходящим ярлыком для обозначения одержимости добиться преимущества. Иерархический взгляд исключает непрекращающееся умение превзойти других, поскольку он влечёт за собой признание стабильного места в устойчивой иерархии и готовность подчиняться и уважать начальство, а также ожидание подчинения и уважения со стороны подчинённых. Кроме того, ошибочно полагать, что иерархическое отношение несовместимо с экономическим прогрессом, политической стабильностью или организационной эффективностью.

Оценивая нации по иерархическому показателю, я бы поставил японцев на первое место, немцев – на второе, а британцев – на третье. Под маской эгалитарности это отношение

гораздо более распространено в Соединённых Штатах, чем в Латинской Америке. Умиротворение, вызванное исключительно страхом или соблазном выгоды, не следует путать с верностью и искренним уважением. Пристрастие к титулу, которое автор воспринимает как признак «ценностей, препятствующих модернизации», по крайней мере, столь же заметно в Германии, как в Латинской Америке, в то время как в Великобритании тоже есть титулы лордов, сэров и дам.

Не зная об этом, автор несколько этноцентричен в отношении нечетко определённой концепции «модернизации» (которую я нахожу слишком широкой в любом случае). Более того, даже контраст с Соединёнными Штатами, на котором автор делает свои выводы, больше соответствует прошлому, чем настоящему. Произошёл большой скачок от независимых и приверженных равенству фермеров-янки, ремесленников и торговцев (как это изображено де Токвилем) и людей, ориентированных на получение статуса, описанных Рейссманом, Паккардом и Уайтом. Последние функционируют больше как винтики в крупном бизнесе и правительственных иерархиях, чем их латиноамериканские коллеги. Почему?

Я согласен с автором в том, что навязчивое умение превзойти других помогает поддерживать беспорядки в Латинской Америке, но не согласен с тем, что латиноамериканцы больше зависимы от поиска статуса, чем люди в любой другой части мира. Видимо, тщеславие и честолюбие – постоянные свойства человека. В некоторых обществах или кругах в игру «*one-upmanship*» играют в соответствии с довольно строгими правилами, которые способствуют сотрудничеству, в то время как в других местах они могут быть расплывчатыми, непоследовательными, обычно игнорируемыми или способствующими разрухе, что делает сотрудничество более трудным, а открытый конфликт более возможным, что в свою очередь препятствует экономическому прогрессу.

Кроме того, я согласен с общим тезисом автора о том, что различие в ценностях (то есть в преобладающих отношениях или национальном характере) в значительной степени объясняет успех Севера («Севером» Барретт называет Запад вопреки географии) и отсталость Юга. Я бы сказал, что это различие уменьшается из-за упадка гражданских качеств, трудовой этики и честности на Севере в последние десятилетия. Тем не менее верно то, что исторические различия породили контрасты сегодняшнего дня, говоря о «важности отправных точек». В этом контексте я бы упомянул демографический фактор, которому автор уделяет мало внимания. Гражданские и экономические добродетели позволили Северу накопить богатство, которое сделало дальнейшее накопление безболезненным и, следовательно, больше не требует этих добродетелей. Кроме того, как это было до больших достижений в медицине, раннее развитие позволило Северу добиться спонтанного перехода от пар с высокой рождаемостью и высокой смертностью к парам с низкой рождаемостью и низкой смертностью, таким образом избегая бума населения, охватившего все латиноамериканские страны, кроме Аргентины и Уругвая. Никакое количество «ценностей, способствующих модернизации» не может обеспечить процветание и демократию перед лицом нынешнего демографического взрыва. Если он не будет отрегулирован, борьба за существование должна усилиться и дать импульс к революции и тоталитаризму.

Авторское объяснение привлекательности тоталитарных идей для элит, стремящихся модернизировать свои страны, является неожиданным и иконоборческим. По его словам, приверженность демократическим и либеральным идеям предполагает веру в то, что основная часть нации имеет хорошую репутацию и достаточно просвещена для того, чтобы знать, что для них хорошо. Если вы считаете, что они настолько развращены, что никогда не смогут излечить себя от своих вредных пороков, то, вероятно, решите, что принуждение – единственная надежда, чтобы изменить их характер, как в случае с наркоманами. И если вы считаете, что эти пороки очень распространены и глубоко укоренились, вам понадобится

столь же всепроникающая, полная сила. Автор приводит очень интересную документацию в поддержку своего вывода о том, что большинство латиноамериканских революционеров и реформаторов придерживаются этой точки зрения под тонкой вуалью популистских лозунгов.

Рассматривая Кубу с этой точки зрения, автор проводит некоторые аналогии с Пуританской революцией Кромвеля. Предостережения и советы, которые повторяются в речах Кастро, больше напоминают ему Бенджамину Франклину, чем Маркса. По словам Баретта, марксизм на Кубе функционирует как декоративная и волшебная фраза, в то время как практические идеи, которые фактически направляют действия Кастро и его помощников, исходят из непризнанного и неопровержимого источника – итальянского фашизма, в котором цели воссоздания национального характера в направлении экономической и военной эффективности сформулированы более убедительно.

Перевод с английского А.Г. Акопян

Andreski St. 1992. *Wars, Revolutions, Dictatorships: Studies of Historical and Contemporary Problems from a Comparative Viewpoint*. – London: Frank Cass.

Barrett J.W. 1985. *Impulse to Revolution in Latin America*. – New York: Praeger.

Krejci J. 1983. *Great Revolutions Compared: The Search for a Theory*. – Brighton: Wheatsheaf Books.